

Кублановский Юрий

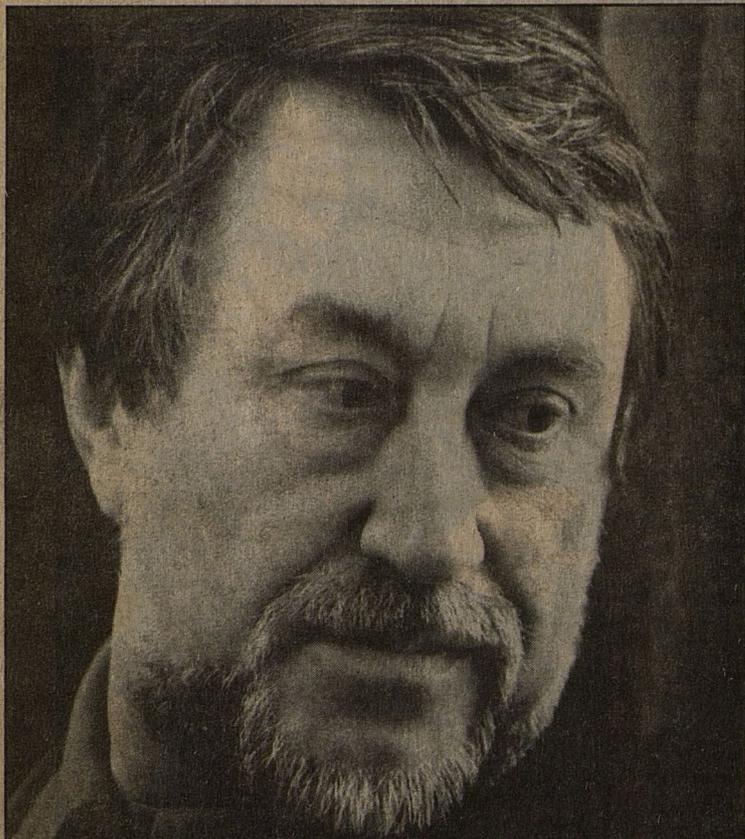
16.01.99

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ:

ЛЕВОЛИБЕРАЛЬНАЯ

ЖАНДАРМЕРИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ НЕ ПРОЩАЕТ

Речь Клуб. - 1999. - 16 янв. - 45.

Только что парижское эмигрантское издательство Ymca-Press совместно с московским издательством «Русский путь» выпустили новый сборник поэта Юрия Кублановского «Закондванный дом». «Соединение» Парижа с Москвой по данному поводу не случайно: как известно, Кублановский — не по своей воле, а под давлением КГБ — в 1982 году был вынужден эмигрировать, жил в Европе и в 1991 году вернулся в Россию. Насколько известно, он и Солженицын — единственные писатели, приехавшие из изгнания на родину не на гастроли, а жить. Сейчас Юрий Кублановский заведует отделом публицистики журнала «Новый мир».

— Юрий Михайлович, многие москвичи помнят еще СМОГ — неформальное поэтическое товарищество 60-х годов: Смелость, Мысль, Образ, Глубина. Эта аббревиатура некоторыми еще расшифровывалась как Самое Молодое Общество Гениев. Вы были одним из его «отцов-основателей». «Лицом к лицу лица не увидать» — как вам видится СМОГ на расстоянии — страшно вымолвить — в три с половиной десятка лет?

— Смысл нашего объединения был в противостоянии совковой идеологии, на корню запроданной ей культуре. Поодиночке мы бы могли сломаться, а вместе кое-как выдюжили, хотя, конечно, «одних уж нет, а те далече». Ведь большинство наших предшественников, стихотворцев-шестидесятников, одним глазом подмигивали вольнолюбивой публике, а другим — системе, от которой имели все. Так что СМОГ, так сказать, явление скорее социальное, а отнюдь не поэтическое течение: 17–18-летние ценки, разве мы могли иметь тогда общую эстетическую платформу?

— Эдуард Лимонов тоже был в СМОГе?

— Он появился в Москве, когда СМОГ был уже на излете. И писал очень недурные, обаятельные стихи. (Через двадцать лет в Париже он подарил мне свое «Избранное», и я вновь порадовался их свежести, словно встретился с молодостью). Вскоре, однако, чрезмерное честолюбие и провинциальное стремление карабкаться все выше лишили бескорыстия его поэтическое служение. Уехав за границу, он стал «рыночным» автором. А недавно я его видел на крыльце музея Ленина вместе с Аниповым. Он выкрикивал кучке бедных людей какую-то зажигательную ахинею. Печальное это зрелище: видеть «крутого», а по сути бутафорского экстремиста, в прошлом — талантливого поэта.

— А вы тогда в будущее заглядывали?

— В 18 лет живешь одним днем. Обивать пороги советских редакций мы не хотели. О том, что можно публиковаться в русских журналах за границей, даже не подозревали. Оставалось только читать вслух, и это было настоящее действо-шаманство — часто при свечах, с закинутой головой и экспрессивными жестами. «Фонограмма» тех наших чтений и по сей час в моей памяти, даже и теперь могу воспроизвести чтение Губанова или Алейникова.

— Но что-нибудь из ваших ранних стихов не устарело?

— Многие попросту пропало. Ведь в 1982 году у меня прокуратура произвела обыск, унесла два мешка рукописей. Но кое-какие строфы я еще помню и мне за них не стыдно. Ну, например: «На просторах страны безбрежной / снег ботинком развороши. / Эти угли души мятежной / непростительно хороши...». Но когда я в эмиграции составлял свой объемный сборник, ничего из раннего туда не вошло. Правда, до этого, когда я был еще дома, в Штатах вышла моя книга, составленная Иосифом Бродским, он туда включил кое-что из моего совсем раннего — уж не знаю, как эти стишки к нему попали.

— А как теперь — по прошествии времени — вспоминаете вы свою эмиграцию? Добрым словом?

— Очень полезный опыт. В общем и целом, это были годы покоя и сосредоточенного труда. Шок прошел очень скоро и я стал писать. Кроме того хорошенько взгляделся в механизмы новейшей цивилизации, о которой, как и все мы, имел весьма смутное представление: свободный мир — и баста. Я считал просто: что не рынок — то тоталитаризм, «совок». Но оказалось, что рынок не способен на разумное саморегулирование. Писателю, поэту, художнику, тем более режиссеру, там тоже по-своему не свободно. Для меня это стало настоящим открытием.

— За девять с лишним эмигрантских лет вы пустили на Западе корни: выпускали книги, стали известным журналистом. Почему же вернулись? Ведь не секрет, что многие из здешней интеллигенции устремились как раз в противоположном направлении.

— А я и уезжал с уверенностью, что вернусь. Поэту логично жить одной жизнью со своим языком и со своими читателями. Кроме того, надо быть ответственным за свои слова и поступки: я делал в меру скромных моих сил все от меня зависящее, чтобы приблизить освобождение нашей страны от коммунистов... Не нравится нынешняя действительность? Но ведь ты сам на нее работал, вот и расхлебывай. А то, как Коротич или Евтушенко: шумели, шумели о демократии, а потом уехали в США. Некрасиво.

— Так вы в оппозиции к нынешнему режиму?

— Никогда я не был ни в «позиции», ни в «оппозиции» — надо просто бескорыстно соответствовать своему мироощущению. Да, во времена «чикагских мальчиков» леволиберальная жандармерия гуляла вольно. И смотрела на меня — возвращенца — настороженно: уж не приехал ли я толкаться у ее корытца? И независимости она не прощает. Несколько лет назад, когда Искандер, Аверинцев, Солженицын выдвинули мою книгу на Госпремию, в «Московском комсомольце» появилась заметка какой-то журналистки по фамилии, кажется, Ковалева, обескуражившая своим цинизмом. Мол, как это я и Василий Белов можем «претендовать» на премию, если выступаем против нынешней власти? Дескать, «или — или». Будто русские писатели — холопы, а президент — барин, награждающий не народными, а своими деньгами за «демократическое усердие», заключающееся в его поддержке.

— И у вас не было искуса поверить, что «молодая российская демократия» встала на «путь

вхождения в цивилизованное мировое сообщество»?

— Во-первых, эмиграция, повторяю, помогла мне смотреть на «цивилизованное сообщество» трезво. Нынешняя цивилизация — хищница, паразитирующая на природных ресурсах. Скоро (скорей, чем кажется!) ей предстоит очень резко видоизмениться. А наши демократы бросились ее догонять, стали пресмыкаться перед ее потрепанной и уже прокисшей идеологией. А во-вторых, и это самое главное: реформаторы и их обслуга стали могильщиками надежд на моральное воскрешение нашей родины в посткоммунистическую эпоху. Своей «приватизацией», «ваучеризацией» и прочим они показали обществу, что несправедливость и корысть — реальные свойства новой власти. Цинизм закипел в обществе, как в реторте. И худшее меньшинство принялось всеми способами «делать бабки» — за счет большинства соотечественников. Нынешний беспредел — прямое порождение атмосферы, стусившейся над Россией после августа 1991 года. А ведь был тогда в обществе порыв, было бескорыстие, была вера в возрождение родины! Все растоптали, распахали корыстники по карманам.

— Юрий Михайлович, вернемся к поэзии. Нескольких слов о вашей новой книге.

— В нее вошло все, написанное после эмиграции. Мне кажется, в этой книге есть нечто для моей поэтики новенькое. Впрочем, судить читателю.

Встречался
Юрий РЯБИНИН

22 января, в пятницу, в фонде «Русское зарубежье» состоится презентация новой книги стихотворений Юрия Кублановского «ЗАКОНДВАННЫЙ ДОМ» (послесловие А. Солженицына).

Начало вечера в 18 часов 30 минут. Адрес: Нижняя Радищевская, дом 2.

Продажа книги. Автографы.